СТУДГОРОДОК

Время собирать камни

Наша жизнь строится по законам телевидения?

– Расскажите мне про зондеркоманды. И газовые камеры. И смертников, которые сами рыли себе могилы. Про допросы. И эксперименты над заключенными. Про всю эту чернуху, – пытает расспросами старика Дюссандера двенадцатилетний Тодд. Обыкновенный американский подросток, «на редкость способный ученик», как написала в аттестате за четвертый класс миссис Апшоу…

Истоки «Крыльев» – в студенческих агитбригадах

Камерная студия, в которой актеры театра «Крылья» разыгрывают спектакль «Способный ученик» по одноименной повести Стивена Кинга, идеально подходит для воплощения режиссерского замысла Людмилы Кулагиной – возмутить и растревожить даже искушенного и смелого зрителя. В репертуаре молодежной студии классических постановок нет, зато много эксперимента, современности и метафорических форм. Истоки театра-студии «Крылья» – в школьных и студенческих агитбригадах восьмидесятых. Труппа сложилась из тех, кто, несмотря на юный возраст, был готов работать, выдерживать серьезные нагрузки и «тратиться», отдавая себя зрителю. Сегодня «Крылья» – самый разновозрастный театральный коллектив города: союз студийцев «неразделим и вечен», ведь многие из выпускников возвращаются в театр, чтобы снова выйти на сцену.

Такие постановки, как «Мясник» Л. Кулагиной, «Кактусы любви» и «Диалоги о животных» И. Сывороткина не всегда отвечают массовому вкусу, но конъюнктура «крылатых» демиургов не заботит – здесь существует устоявшийся круг зрителей, которые готовы приходить на любимые спектакли по нескольку раз. «Способный ученик» – одна из самых пронзительных и сложных для восприятия пьес. И даже не потому, что затрагивает тему фашизма, потерявшую свою остроту, но потому, что вскрывает нашу с вами повседневность.

Действие спектакля происходит в маленьком американском городке. Примерный школьник Тодд Бодуен, в роли которого выступает студиец Денис Шакуров, изучает по старым журналам летопись нацистских лагерей. Вдруг он узнает в соседе военного преступника, сумевшего избежать правосудия и тихо коротающего старость в доме напротив. В обмен на молчание мальчик требует от старика подробных рассказов о концлагерях. В то время как сверстники Тодда штудируют физику и математику, он изучает страшную науку зла. А в тихом и запуганном старике снова просыпается надзиратель Курт Дюссандер. Между Тоддом и им завязывается напряженная психологическая игра, все крепче привязывает их друг к другу общая тайна. Мальчик настолько пытлив, что старик, прячущийся от страшных снов, в которых видит бывших заключенных, выглядит настоящей жертвой.

– Вы отлично рассказываете, вас только расшевели!

– Давай закончим на сегодня, мне сложно об этом говорить…

– Нет-нет, расскажите еще про одежду и бумажные пижамы.

Двенадцатилетний актер Денис Шакуров признался, что впервые не боялся сцены и не искусственно зубрил роль, а просто понял ее, как понял бы реального американского школьника своего возраста. Органичность и актерский талант мальчика в этой непростой роли отметило и жюри, когда спектакль демонстрировался в рамках городского театрального марафона «Театр, которым мы живем».

– Сложнее всего было передать напряжение и страх моего героя, когда отношения с Дюссандером вышли из-под его контроля и Тодд оказался в опасности. Мне жалко мальчика, – рассказывает Денис.

– Спектакль выглядит очень реалистично еще и потому, что взрослые играют вместе с детьми. Причем как начинающий артист Денис нисколько не уступает опытным актерам. Для его возраста тема, конечно, тяжелая, но он держался профессионально, из роли ни разу не вышел, – поделилась впечатлением одна из постоянных зрительниц.

– Конечно, по своей сути Тодд страшнее старика Дюссандера, – считает старожил «Крыльев», актер и режиссер Игорь Сывороткин, играющий роль бывшего эсэсовца. – Потому что он еще маленький, он – растущий. Старик Дюссандер – это уже история. Он был и кончился, он прошел. В то время как у маленького Тодда все впереди. Для надзирателя Патена быть палачом – работа, которую он выполнял, будучи военным. Тодд же идет на преступление сознательно.

По мнению режиссера Л. Кулагиной, предпосылки рождения маленького монстра – в потоках информации, которые общество и СМИ – порой очень агрессивно – обрушивают на человека. Тодд ясно видит, как в журналах ужас фашизма теряется «среди рекламы, предлагающей немецкие финки, ремни и каски бок о бок с заговорной травой и чудо-средством для восстановления волос. Рекламировались флаги со свастикой и пистолет «люггер», и игра под названием «Танковая атака». Да, везде говорилось, как это было ужасно, однако создавалось впечатление, что все же не стоит по такому поводу «огород городить».

Сделать эту мысль рефреном помогает оригинальный режиссерский прием: на протяжении всего действия с экрана телевизора звучит громкая, навязчивая реклама. Звуки рекламы заполняют динамичные паузы между сценами. Рассказы старика о пытках, облачение его в нацистскую форму – все сопровождается легкой музыкой из роликов про йогурты и пиво. Своего рода эксперимент над зрителем, которому в небольшой студии от звуков не спрятаться. В звуковом коллаже гомон школьной перемены «сосуществует» с лязгом оружия, криками заключенных – и бодрыми, жизнерадостными голосами, сообщающими о радостях кофе Nescafe и пива Turbo. Зрителю невольно приходится в голове умещать рядом две реалии – смерть, с одной стороны, блеск и силу волос – с другой. При этом звучащий телевизор – явная примета сегодняшнего дня, ссылка на нас самих, которых ежедневно сопровождает «двигатель торговли». Сопровождает заботливо, неотступно, в радости и горе. Приди на спектакль в театр-студию «Крылья» насмешливый В. Пелевин, вслед за Кингом (оказывается!) показавший людей-марионеток в «Generation П», или разрушитель американского благополучия Ч. Паланик, спевший отходную всей информационной эпохе в «Колыбельной», они наверняка оценили бы актуальность «Способного ученика».

Современный антураж студийского театра перемешан с предельным аскетизмом: на сцене ни лишних деталей, ни лишних ролей. Только сам Тодд, его родители, школьный учитель и «друг» Дюссандер. Актеры в обычной, повседневной одежде подают крупным планом свое главное оружие – слово. Из «изысков», кроме техники в виде старенького телевизора, – использование возможностей теневого театра.

В страшном поединке Дюссандера и Тодда победителей нет. «Мы с тобой в одной связке: что вверх идти, что – вниз», – предупреждает мальчика старик. В какой-то момент игры в кошки-мышки Тодд теряет контроль над ситуацией. Появляется страх. В больнице надзирателя Патена узнает сосед по палате, бывший заключенный, и для «способного ученика» наступает время экзамена. Со снайперской винтовкой мальчик выходит на шоссе… В кровавой развязке актеры студии уже не участвуют – о ней «по горячим следам» рассказывает корреспондент телевидения: «Снайперам удалось снять его лишь пять часов спустя, когда стемнело. На этом наш репортаж закончен, а сейчас – новости спорта. Смотрите после рекламы…»

История закончена. Мир не перевернулся. И завтра продолжит жизнь по законам программы TV – стоит только нажать кнопку пульта.

Юлия СЧАСТЛИВЦЕВА.

Дети детей войны

ПАМЯТЬ

Приближается 60-летие Победы. Все чаще на телевизионных экранах появляются художественные и документальные фильмы о тех событиях, радиоэфир наполняют тематические передачи о героях-фронтовиках, песни военных лет, газеты и журналы в очерках и зарисовках, интервью и воспоминаниях очевидцев рассказывают о том суровом времени. И продолжаются мучительные поиски правды о кровопролитных четырех годах российской истории. Всплывают все новые и новые документы, факты, свидетели, которые проливают иной свет на извечный вопрос «Кто виноват?»

Само стремление разобраться в причинах, понять суть происшедшего вполне естественно и закономерно. Тем более что сейчас, как декларируется вокруг, открыт доступ к любой (ой ли!) информации и можно докопаться до истины. Правда, если учесть, что Россия – страна с непредсказуемым прошлым, то сохранит ли истина, которую, допустим, отыщут сегодня, свою неоспоримость лет эдак через пятьдесят–семьдесят? Увы, неизвестно. Но главное, как бы мы, что называется, «вместе с водой ребенка не выплеснули» – вал разнородной информации о Великой Отечественной поневоле вызывает у народа, и прежде всего у молодежи, переоценку ценностей, связанных с войной. Однако как бы ни менялась политическая конъюнктура, все пережитое советскими людьми в те годы, все отвоеванное – это беспримерный подвиг, достойный вечной славы.

В предвоенный период МГТУ – в то время Магнитогорский горно-металлургический институт – был одним из крупных вузов страны. С началом войны весь коллектив института направил свои усилия на помощь ММК. А далее вал тыловиков закрутился по известному сценарию: разработка технологии получения спецметалла, производство броневой стали и броневого листа. Специально для этого было создано «броневое бюро», куда вошли специалисты-практики, инженеры и ученые института. В общей сложности это 204 работы, связанные с разработкой технологии производства оборонной продукции, ставшей каждым третьим снарядом. Нам повезло, что мы живем рядом с людьми, от которых можем узнать историю, посмотреть в глаза тем, кто ее делал.

Валентина Ивановна Малышева работает в университете с 1961 года, сначала – инструктором по работе с секретными материалами на военной кафедре, теперь – лаборантом на кафедре теоретической механики и сопротивления материалов. В военные годы она видела, как в Свердловск привозили детей из осажденного Ленинграда, помогала матери принимать их и устраивать.

– Естественно, разница между молодежью послевоенных лет и нынешней велика, – считает Валентина Ивановна. – Тогда ребята более дружными были, друг за друга горой стояли. Но ни в коем случае нынешнюю молодежь нельзя ни в чем обвинять. И время другое, и условия жизни. Раньше пропагандой занимались, воспитательные беседы проводили, дух победы поддерживали. Тогда работала идеология, люди шли не просто за Родину воевать, а за Сталина. Сидела в нас эта установка, а мы и не знали, правильная она была или нет, просто шли. А сейчас нас, ветеранов, пересчитывают, поклоны отвешивают, гордятся. Конечно, людей войны и тыла, добровольцев будут почитать, как же иначе? А вот куда и зачем шли мы, никто не говорил и до сих пор не говорит. Война изгажена – столько мнений, версий и догадок сейчас муссируется. Уважение и почитание к людям поддерживать необходимо, а с победой они сами разберутся: во что верить и какую причину считать главной.

Что думают по этому поводу внуки победителей?

Игорь, энергетический факультет:

– Я склонен думать, что война – это самодурство правителей двух стран. Уперлись каждый в свои ворота и не захотели уступить. Сейчас об этом много рассказывают, и складывается впечатление, что психолога хорошего бы этим двоим, и ссора бы утряслась.

Наталья, факультет технологии и качества:

– А как мы можем относиться к войне, если мы ее не понимаем и не принимаем? Знаете, сколько всяких мнений было предложено за годы учебы в школе и университете? А факты, которые по телевидению в разного рода независимых расследованиях раскрывают? Не знаю, такое ощущение, что не о том думаем. 60 лет празднуем с размахом, а должный уровень жизни этим людям войны обеспечить не можем.

Максим, факультет горных технологий:

– На фоне нынешних раздоров Великая Отечественная както не столь громогласно звучит. Конечно, страшно было. Конечно, люди верили в Родину, защищали со всей своей страстью. А Чечня, Афган, Беслан не страшны?..

Времени прошло более полувека, уже растет третье, а то и четвертое поколение детей военных детей. И мы пробуем сравнить отношение тех и других к победе, военным действиям, страху, жизни, доблести, смерти. Так сказать, сквозь призму времени прочувствовать молодость – единственное, что связывает сегодняшних нас и тогдашних их. И надеемся, что тема войны и победы не оставит равнодушными ни ветеранов, ни молодых.

Евгения ТРОФИМОВА, студентка МГТУ.

В пещерах Кунгура

ПУТЕШЕСТВИЕ

Восемнадцать студентов МаГУ – членов турклуба «Стихия» – в сопровождении экскурсовода отправились в семидневное путешествие по Уралу, в Кунгурскую ледяную пещеру. Пещер такого рода, характеризующихся масштабностью, чередованием пластов известняка и доломита, широкой границей оледенения, в мире всего семь. Она удивляет, поражает и увлекает.

Открываются ворота, и мы попадаем в бетонный туннель метров 200–300 длиной. И сразу – ледяные кристаллы, глыбы, сосульки, все это вызывает только «Ах!» и «Ой!». Идем по бетонной дорожке. В первых залах температура минус 11°С, в остальных – плюс 5°С. Говорят, пещера наиболее красива в период с февраля по май – она «вырастает» и леденеет.

Такое ощущение, что мы попали в подземное царство – сначала ледяное, а потом каменное. Там, в пещере, невольно вспоминаются сказы П. Бажова о каменном цветке и Хозяйке Медной горы. Нам посчастливилось быть гостями этого царства. Почти двухчасовое пребывание в пещере пролетело как один миг. Каждый зал имеет свое название: Крестовый, Зал романтиков, космонавтов, Бриллиантовый... Нас очень поразили пещерные озера глубиной до трех метров: вода – гладь, казалось, что это камни, а не их отражение в воде. В «заветном месте» мы кинули в озеро монеты и загадали желания. Все залы по ходу движения были освещены, и это создавало впечатление, что мы находимся в сказочном подземном царстве, «приручением цивилизацией». Но когда мы оказались в абсолютной темноте – «слушали дыхание пещеры», природа показала нам свою силу. И мы оценили старания людей «облагородить» этот памятник природы и сделать его более доступным для многих людей – спелеологи посвоему любят эту пещеру, постоянно исследуют ее и продолжают описывать, открывая новые проходы. Общая протяженность пещеры до шести километров, мы прошли лишь полтора из них. Экскурсионная тропа в виде подковы – с одной стороны мы вошли в пещеру, с другой вышли. На выходе, когда мы все щурились от солнечного света и вдыхали снежный воздух, за нами захлопнулась железная дверь и экскурсовод повернула ключ…

В памяти остались залы, высокие потолки, воронки, органные трубы, скользкие ступеньки, «слезы королевы», гладь озер, «Синюшкин колодец», влажный запах камней и глины, мерцание снега и льда, сталактиты, сталагмиты, сталагнаты и все мы, взявшись за руки, поддерживая друг друга, идущие в этом природном подземном царстве тишины и тьмы.

Татьяна НЕРЕТИНА.

В театр приходят не смотреть слезы, а слушать речи, которые их исторгают.

Дени ДИДРО

«Ассоль» в форме

ШКОЛА КАДЕТОВ

Эта организация уже месяц находится под пристальным вниманием ФСБ, Минюста и МВД. Строгий режим дня, форменная одежда, специальная медицинская и военная подготовка отличают это учреждение от остальных похожих. «Ассоль» – неформальное название уникальной кадетской школы для девочек. Здесь почти каждый ребенок уже знает, кем хочет стать в далекой, но заманчивой взрослой жизни. Преподаватели же готовят кадетов для госслужбы. Но, говорят, у девочек всегда есть право на выбор.

Спортсменка, активистка, отличница, красавица, да еще чтобы родину любила и родине служила. Это, по словам учителей, собирательный образ идеальной ученицы новой кадетской школы. Первый выпускной здесь будут праздновать только лет через пять. Но потенциальные работодатели уже зондируют почву. Патриотизм и дисциплина нынче в цене. ФСБ, Минюст, таможня, МВД, администрация Президента РФ – вот лишь малый перечень организаций, которые уже положили глаз на кадетов с косичками. Сергей Лугачев, начальник отдела кадетских образовательных учреждений департамента образования Москвы, размышляет:

– Я думаю, что они заинтересованы в квалифицированных кадрах, здоровых ребятах, девочках, патриотах.

После подъема – завтрак, потом уроки, обед, кружки по интересам, самостоятельная работа и отбой. Опаздывать категорически запрещено. Пунктуальность – фундамент дисциплины. Здесь изучают и общеобразовательные предметы, и специальные для девочек: танцы, ИЗО, домоводство, музыка. Отдельная строка – дисциплины кадетские: плавание, медицинская помощь в экстремальных условиях, история Вооруженных Сил, начальная военная подготовка. В итоге из школы во взрослую жизнь должны выйти настоящие защитницы Отечества.

Ударим чтением по авитаминозу

КНИЖНЫЙ РАЗВАЛ

Беда книголюбам-студентам. Чтение, ставшее привычкой, чревато всяческими опасностями. Тут и так зрачки сходятся к переносице от исступленного изучения бессмертных трудов классиков в библиотеках, но страсть к печатному слову сильна, и никакой «ящик», будь то телевизор или компьютер, не в состоянии утешить кипящий разум. Да и воспаленные глазные яблоки они отнюдь не излечивают. И вот бродишь тоскливым взором по книжным полочкам магазинов и все никак не решишься. Светлой памяти Федор Михайлович? Милейший граф Толстой? Нет уж, увольте, нам еще памятна въевшаяся в школьную доску меловая запись: «Л. Н. Толстой – учитель непротивления…» Впрочем, на этой классической полке тоже есть чем «оттянуться». Александр Сергеевич хорош на все времена, несмотря на то, что юбилеи могут довести до абсурда даже самого гениального автора и читателя тоже. Ага, уже слышу разоблачающий глас старшего поколения – наша молодежь аморальна, она не читает классики и, ах, не любит Тургенева – эти вялотекущие ручейки?

Иногда, конечно, хочется быть совсем простой, как вон та тетка в дубленке от «Снежной королевы». Листает себе, сжав губки в куриную гузку и утраивая подбородок, какую-то карманно-любовную «Жестокую боль сердца» – и мира вокруг нее не существует. Прямо завидно. Но мое болезненное чувство собственного достоинства не позволяет раскрывать прилюдно в транспорте даже погаденькую «Лизу» и подобную женскую жвачку для мозгов. И ведь молодые особы воспринимают какие-нибудь «Девичьи слезы» как руководство к действию, урок жизни. Вот, например, очередной глянцевый журнал для женщин – и сомнительная статья, посвященная двадцати плюсам одиночества. Под «плюсом» номер девять значится: «Никто не займет туалет в самый неподходящий момент».

Очень соблазнительно в такой безвыходной ситуации впиться в какой-нибудь детектив от Марининой, но, ей-богу, поташнивает. Даже несмотря на благосклонно-пренебрежительное внимание к ней нашей высоколобой критики – вроде как и нормативна она до скрипа, и истоки ее, с позволения сказать, творчества, лежат в бальзаковском романе, и чтение ее опусов – хоть и снобизм навыворот, но тоже греет душу... И вот еще экземплярчик – овеянный уходящей славой господин Коэльо. Набоков, конечно, говаривал, что каждый великий роман – великая сказка, но ведь это он про великих. А читать эти выхолощенные сказочки про фатализм – никакого здоровья не хватит.

Идем далее – мимо полочек великих сказочников под модным соусом «фэнтези». Каюсь, не любила современную зарубежку, пока не купила хвалимого Мураками. Рассказчик, учитель, музыкант – все в нем сошлось. Верно, что для человека мыслящего отправной точкой медитации может стать даже отблеск солнца на тающем льду. Вот и скандальная серия «Альтернатива» – здесь стоят кумиры молодежи, творящие на волне «Generation Икс». И сам автор культового романа Дуглас Коупленд – с новой книгой «Рабы Майкрософта». Ага, Чак Паланик собственной персоной: после успеха «Бойцовского клуба» и «Колыбельной» переведены на русский язык «Удушье» и «Невидимки». Прямо не знаю, стоит ли, надо ли… Лучше меньше, но лучше. Мураками вон так затиражировали, что уж и смотреть не хочется. Как писатель Паланик когда-то был открыт мною под впечатлением фильма «Бойцовский клуб». Книга, правда, несколько разочаровала чрезмерной эклектичностью, зато порадовал роман «Колыбельная». Писатель так лихо развенчивает сознание современного американца, что аж оторопь берет. И вгоняет в рефлексию. Главный герой, журналист, расследуя синдром внезапной смерти младенцев, натыкается на баюльную песню. Ту самую колыбельную, которую в древних культурах пели изувеченным в битве и смертельно больным, – всем, кому нужно помочь тихо и безболезненно умереть во сне. И вот заклинание попадает в современные детские книжки. Это с нашим-то уровнем информатизации! В общем, почитать стоит – и задуматься об экологии своего мозга.

Кстати, об экологии. Совсем недавно в одном из книжных магазинов города обнаружила словарь русского мата – о таком, наверное, каждый девятиклассник мечтает. Хочется отметить, что объем его составляет более 1000 страниц! Велик и могуч русский язык – и не думала, что настолько… В последнее время русский менталитет как в луже отражается и в милом приложении к подарку – открытке: «В твой день рождения чем займемся? Смешной вопрос! Конечно же, напьемся!» Как говорила моя учительница: «Было бы смешно, если бы не было так грустно».

Вернемся все же к книжным стеллажам. Для интеллектуалов рекомендую сербского прозаика Милорада Павича. Книги-кроссворды, книги-словари и загадки, астрологические справочники и – просто ящик письменного стола.

Что еще? Пожалуй, снова – к классике. В наш безумный век мы целыми днями плаваем – кто-то барахтается, а кто-то тонет – в океане информации. Все, что требуется от нас, – остаться людьми и спасти красоту, которая спасет нас. И пусть она бережно хранится на книжных полках. Поэтому на подступах к кассе я прихватила подарочный экземпляр В. Набокова и его же «Комментарии к «Евгению Онегину», в моих убогих рекомендациях не нуждается.

Лиана ВИКУЛОВА.

Страницу подготовила Юлия СЧАСТЛИВЦЕВА.